

«ГЛЯЖУ ЗА ТЕМНУЮ ВУАЛЬ...»

Культура. - 1993. Март. - С. 9.

«Посвящение» — так назывался вечер в Концертном зале имени П. И. Чайковского, задуманный и проведенный художественным руководителем Московского хореографического театра «Балет России» Борисом Мягковым. Посвящался он Рахманинову. Хореографические опусы на его музыку, фортепианные произведения в интерпретации талантливом молодого пианиста С. Главатских, Вокализ в исполнении певицы В. Плахотной, а еще стихи Бунина, взволнованно прочитанные артистом Нового театра С. Казаковым, — вот такой «набор». Но если вы думаете, что это был обычный концерт, в котором одни номера просто смеялись другие, то ошибаетесь.

Б. Мягков сумел так построить и режиссерски организовать программу, что она стала своеобразным спектаклем-дифирамбом, музыкально-пластическим пантегириком Сергею Васильевичу Рахманинову. Не было объявлений ведущего, поклонов, все возникло и длилось на одном дыхании. Вечер воссоздавал особую атмосферу искусства Рахманинова, который жил и творил как бы в «эпицентре» русской культуры, он преклонялся перед Чайковским, нежно любил Чехова и Бунина, был связан творческой дружбой с Шаляпиным, с корифеями Художественного театра.

Хореографические опусы Мягкова представляют собой интересную и серьезную попытку пластического воплощения музыки Рахманинова. Чуткость хореографа заключается в том, что он обращается к традиции русской хореографии, избегая сложных, изощренных модернистских построений. Следует вспомнить, что сам Рахманинов не имел репутацию «новатора», «модерниста», продолжал и развивал глубокие традиции русской музыки, и эта позиция не сулила большого «шума» вокруг его имени.

Мягков «говорит» на языке хореографической классики, но как бы освобожденной от жесткого канона, от всякой парадности, создающей образ естественного порыва, правдивого чувства, искреннего душевного взлета. У него обретают выразительность такие простые средства, как стремительные, легкие пробеги, трепетные соединения рук, задумчивые паузы, невысокие целомудренные поддержки. Впечатлению помогают простые белоснежные костюмы, лишённые каких-либо украшений. Пластические монологи, дуэты, развернутые композиции, протяженные, кантиленные, «мелодичные» танцевальные фразы и движения вызывают в воображении поэзию дворянских усадеб, близкую чеховского цветущего

вишневого сада, очарование полотен Борисова-Мусатова, графики Добужинского, скульптур Матвеева. Возникает мир воспоминаний или мечты.

Хореограф создает как бы пластический «портрет» творчества Рахманинова. М. Добужинский писал в своих воспоминаниях о композиторе: «Пожалуй, лучший портрет Рахманинова — небольшой, чрезвычайно тонкий и строгий и в то же время как бы «завуалированный» рисунок К. Сомова». В композициях Мягкова присутствуют эта «завуалированность», лирическая дымка, придающая тонкость рисунку его танцевальных воплощений, может быть, иногда однообразных, но, несомненно, обаятельных в своей непритязательной, но красивой простоте.

Танцовщикам, объединенным единым стилем спектакля, порой не хватает необходимой здесь одухотворенности, но исполнение Т. Рыжовой, М. Рост, М. Негрובה, Н. Церингера, А. Галкина несет в себе признаки артистичности, которых требует эта «несложная» хореография.

Рахманинов говорил: «Есть еще кое-что, что так же важно, как ноты, и это — душа», и еще: «Музыка должна идти от сердца». Хореография Мягкова идет от сердца.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.